

*Посвящается памяти Эрнста Бруна Тома,
который всегда учил меня тянуться к звездам*

20 марта 1888 года

Дражайшая Маргарет!

Благодарю Вас за искренние и сердечные соболезнования по поводу потери моей дорогой Амелии. Минувшая зима выдалась тяжелой, поскольку едва ли не каждый месяц уносил с собой одного из давних друзей, по болезни или в силу почтенного возраста. И теперь я с глубочайшим унынием размышляю о тех скоротечных годах, которые еще проведу на этом свете.

Сознаю, что, вероятно, нынче выдалась последняя возможность обратиться к непростому предмету, о коем нужно было завести речь давным-давно. У меня не было охоты говорить об этом, ибо я знал, что Ваша тетушка считала благоразумным держать это в тайне. Поверьте, она поступала так единственно из любви, из стремления защитить Вас. Но я знаю Вас с самого раннего возраста, Маргарет, и видел, как Вы росли и превращались в бесстрашную женщину, коей теперь и являетесь. Я знаю, Вы твердо верите в силу правды. А также полагаю, Вам захочется узнать эту историю, какой бы зловещей она ни показалась.

С тех пор минуло пятьдесят восемь лет. В то время Вы были всего-навсего младенцем и едва ли припомните тогдашние события. В действительности я и сам почти позабыл о них. Однако в прошедшую среду я обнаружил одну старую вырезку из газеты (все эти годы она пряталась в старинном издании «Анатомии» Вистара¹) и понял: если вскорости не рассказать об этом, почти наверняка все обстоятельства умрут вместе со мной. С тех пор как Ваша тетушка отошла в мир иной, я единственный, кто может поведать об этой истории. Всех прочих уже нет.

¹ *Каспар Вистар (1761–1818) — американский врач и профессор анатомии. Имеется в виду его двухтомный труд «Устройство анатомии» («A System of Anatomy»), впервые вышедший в 1811–1814 годах. — Здесь и далее примеч. перев.*

Должен предупредить Вас, что подробности ее весьма неприятны. Но в этой истории есть и великодушие, и разрывающее душу бесстрашие. Возможно, Вы и не предполагали в Вашей тетушке таких качеств. Почти наверняка она казалась не более замечательной, чем другие седовласые дамы, коих можно встретить на улицах. Но уверяю Вас, Маргарет, она заслуживает чрезвычайного уважения.

Наверняка даже большего, чем любая другая женщина, с которой сводила меня судьба.

Время уже близится к ночи, а после прихода темноты старческие глаза недолго остаются открытыми. Покуда я просто присовокупляю газетную вырезку, о коей упоминал ранее. Если в Вас не зародится желание узнать остальное, пожалуйста, сообщите мне, и я больше никогда не заведу об этом речи. Но если приключения Ваших родителей все же пробудят интерес, я при следующей же возможности снова возьмусь за перо. И Вы узнаете ее, правдивую историю о Вашей тетушке и Вест-Эндском потрошителе.

С нежнейшими пожеланиями,

О. В. Х.

Наши дни

«Вот так и заканчивается семейная жизнь», — думала Джулия Хэмилл, вгоняя лопату в землю. Никто ласково не шепнет «прости», сорок лет спустя не сплетутся в нежном пожатии пораженные артритом пальцы, не будет и внуков, скорбящих возле ее больничной койки. Джулия зачерпнула землю и отбросила ее в сторону, камешки рассыпались по растущему холмику. Почва состояла из камней и глины — тут вряд ли что-нибудь вырастишь, кроме ежевичных кустов. На земле, бесплодной, как и брак Джулии, не взойдет ничего долговечного, ничего стоящего.

Надавив ногой на лопату, Джулия услышала металлический звон и ощутила, как отозвался в спине удар штыка о камень — довольно большой. Она немного сместила лопату, но под каким бы углом ни пыталась подцепить бульжник, он не поддавался. Выбившись из сил и вспотев от жары, она тупо уставилась в яму. Все утро Джулия копала как помешанная, и на ладонях, под кожаными перчатками, уже появились потертости и мозоли. Работая, она потревожила облако комаров, и теперь насекомые зудели у нее перед носом и путались в волосах.

Но деваться некуда — если решила разбить садик, преобразить поросший сорной травой двор, придется вкалывать. А камень ей мешает.

Внезапно задача показалась неподъемной для ее ничтожных силенок. Джулия бросила лопату и опустила на землю,

оказавшись на кучке глины и камней. И с чего она решила, что сможет восстановить сад и спасти дом? Она взглянула на покосившееся крыльцо и облупившиеся стены, вокруг которых беспорядочно росли сорняки. «Придурь Джулии» — вот как надо назвать это место. Купленное в тот момент, когда она не могла здраво мыслить, когда в ее жизни все пошло кувырком. Так почему бы не усугубить разрушение? Это утешительный приз за то, что ей удалось пережить развод. Хотя в тридцать восемь лет у Джулии наконец появится собственный дом с долгой историей и душой. Когда в сопровождении агента по недвижимости она впервые прошла по комнатам, посмотрела на выпиленные вручную балки, разглядела маленький кусочек старинных обоев, высунувшийся из-под нескольких надорванных слоев более новых, она поняла, что этот дом — особенный. Он зывал к Джулии, молил о помощи.

— Место просто идеальное, — заметила агент. — Дом продается с участком почти в полгектара; так близко к Бостону вы вряд ли найдете что-нибудь подобное.

— Но почему его никто не купил раньше? — удивилась Джулия.

— Вы же видите, в каком он плохом состоянии. Когда мы только подписали договор на продажу, здесь было бесконечное количество коробок с книгами и старыми бумагами, стопки высились чуть ли не до потолка. Наследники вывозили их целый месяц. Дом вместе с фундаментом нуждается в основательном ремонте — это ясно как день.

— Что же, мне нравится его интересное прошлое. И ветхость не помешает мне купить его.

Агент заколебалась.

— Есть еще одна проблема, о которой я должна вам сказать. Если уж совсем начистоту.

— Какая проблема?

— Предыдущей владелицей была девяностолетняя женщина, и она... ну... умерла здесь. Некоторые покупатели относятся к этому брезгливо.

— Девяностолетняя? Значит, естественной смертью?

— Считается, что да.

Джулия поморщилась:

— Причина неизвестна?

— Это случилось летом. Только через три недели ее родственники обнаружили... — Агент внезапно умолкла. И вдруг ее лицо снова прояснилось. — Эх, но ведь участок уникален сам по себе! Вы можете просто взять и все снести. Избавитесь от дома и начнете новую жизнь.

«Так в этом мире избавляются от старых жен вроде меня, — пронеслось в голове у Джулии. — И я, и этот замечательный ветхий дом — мы оба заслуживаем лучшего».

В тот же день Джулия подписала договор о его покупке.

Теперь же, сидя на куче земли и звонкими хлопками убивая комаров, она подумала: «И что это на меня нашло? Если Ричард когда-нибудь увидит эту развалину, он окончательно утвердится в своем мнении обо мне. Доверчивая Джулия, такая податливая в общении с риелторами. Счастливая обладательница старой свалки...»

Потерев глаза, она размазала пот по щеке. А потом снова поглядела на ямку. Как же можно навести порядок в жизни, если ты не способна собраться с духом даже для того, чтобы сдвинуть с места какой-то дурацкий камень?

Джулия взяла в руки совок и, склонившись над ямкой, принялась соскребать землю. Вот камень стал виднее — показалась лишь вершина айсберга; о тех габаритах, что скрывала земля, Джулия могла только догадываться. Возможно, таким недолго и «Титаник» затопить. Она продолжала разрывать яму все глубже и глубже, позабыв о комарах и солнце, которое напекало непокрытую голову. Внезапно камень стал символом всех препятствий и трудностей, с которыми она сталкивалась в жизни.

«У тебя не получится мне навредить!»

Она принялась рыхлить землю вокруг камня, чтобы как следует все разгрести, а потом просто взять и подцепить булыжник лопатой. Волосы упали на лицо и налипли на вспотевшую кожу, но Джулия продолжала ковырять и рыть, все

больше и больше углубляя яму. Она превратит это место в райский уголок еще до того, как его увидит Ричард. Оставалось два месяца до возвращения в школу и встречи с третьеклашками. Два месяца, чтобы выдрать все сорняки, удобрить почву и высадить розы. Ричард как-то сказал, что если она решит разводить розы во дворе их дома в Бруклайне, то они наверняка зачахнут. Надо понимать, что делаешь, заявил он. Да, всего лишь небрежное замечание, тем не менее болезненное.

«Надо понимать, что делаешь. А ты не понимаешь».

Продолжая рыхлить и отбрасывать землю, Джулия легла на живот. И вдруг совок натолкнулся на что-то твердое. О боже, неужели еще один камень? Отбросив волосы со лба, она посмотрела на предмет, попавший под совок. Металлическая часть инструмента повредила поверхность, и место удара теперь окружали трещины. Джулия смахнула глину и мелкие камешки, обнажив неестественно гладкий купол. Лежа на животе, она вдруг почувствовала, что биение ее сердца отдает куда-то в землю и почему-то стало трудно дышать. Но Джулия продолжала копать, теперь уже обеими руками; ее обтянутые перчатками пальцы соскребали упрямые комки глины. Несколько округлых частей, соединенных зигзагообразным швом. Пульс усилился, когда она, разгребая все дальше и дальше, обнаружила небольшую, забитую землей полость. Джулия сняла перчатку и голым пальцем проткнула затвердевшую глину. Та внезапно треснула и обвалилась.

Рывком поднявшись на колени, Джулия уставилась на предмет, который только что выкопала. Комариный писк стал пронзительным, но она перестала отмахиваться от насекомых и ощущать их укусы. Легкий ветерок зашевелил траву, он нес приторно-сладкий аромат душистого бутня. Джулия подняла глаза на свой поросший сорняками участок, место, которое она надеялась превратить в райский уголок. Раньше она представляла себе буйно цветущий сад с розами, пионами и беседкой, увитой багровым ломоносом. Теперь же, разглядывая двор, Джулия видела вовсе не сад.

Она видела кладбище.

— Могла бы посоветоваться со мной, прежде чем покупать эту хибару, — укоряла Джулию ее сестра Вики, сидевшая за кухонным столом.

Сама Джулия стояла у окна и разглядывала бесчисленные земляные холмики, этикие крохотные вулканчики, внезапно выросшие на ее заднем дворе. Последние три дня группа судмедэкспертов практически не вылезала оттуда. Джулия уже привыкла, что они бродят туда-сюда. То один, то другой заходит в дом, чтобы воспользоваться туалетом. Она наверняка будет скучать без них, когда раскопки закончатся и эксперты оставят ее одну в этом доме с выпиленными вручную балками и долгой историей. А еще — с призраками.

Только что прибывшая судмедэксперт доктор Айлз двинулась через двор к месту раскопок. В этой женщине с неестественно бледной кожей и черными, как у готки, волосами, не враждебной и в то же время не дружелюбной, Джулия находила нечто зловещее. «Она такая собранная и спокойная», — думала Джулия, наблюдая за доктором Айлз в окно.

— На тебя это не похоже — взять и с ходу сделать выбор, — продолжала Вики. — Принять предложение в тот же день! Ты что, решила, на это кто-нибудь клонет? — Вики указала на покосившуюся дверь подвала. — Она даже не закрывается. Ты фундамент-то проверяла? Этому дому, наверное, лет сто.

— Сто тридцать, — пробормотала Джулия, не отводя взгляда от заднего двора — там, на краю ямы, стояла доктор Айлз.

— Ах, милая моя, — вдруг смягчившись, заговорила Вики. — Я знаю, у тебя был трудный год. И понимаю, как ты переживаешь. Я просто хочу, чтобы ты звонила мне, прежде чем совершать такие серьезные поступки.

— Участок не так уж и плох, — возразила Джулия. — Здесь почти полгектара. И до города недалеко.

— И покойник на заднем дворе. Это сильно повысит дом в цене, когда ты будешь его перепродавать.

Джулия потеряла шею, которую вдруг сковало напряжение. Вики была права. Вики всегда права. «Ради этого дома я опустошила свой банковский счет, — пронеслось в голове у Джу-

лии. — И теперь стала счастливой обладательницей проклятого места». По-прежнему глядя в окно, она увидела, что на место раскопок прибыл еще один человек. Пожилая женщина с коротко остриженными седыми волосами, в голубых джинсах и высоких тяжелых ботинках — нечасто встретишь бабульку в подобном наряде. Еще один чудной персонаж бродит сегодня у нее по двору. И кто эти люди, слетающиеся на смерть? С чего вдруг они выбрали профессию, заставляющую их ежедневно сталкиваться с тем, о чем другие даже помыслить боятся?

— Ты говорила с Ричардом, прежде чем купить дом?

Джулия замерла.

— Нет, я с ним не разговаривала.

— Он вообще проявлялся в последнее время? — поинтересовалась Вики.

Ее тон изменился — внезапно стал более спокойным и несколько нерешительным, и это заставило Джулию наконец обернуться и взглянуть на сестру.

— А почему ты спрашиваешь? — удивилась Джулия.

— Ты ведь была его женой. Разве ты не позваниваешь ему порой, например с просьбой переслать почту или что-нибудь в этом роде?

Джулия опустила на стул, стоявший возле стола:

— Я не звоню ему. И он мне не звонит.

Вики ничего не ответила, просто некоторое время сидела молча, а Джулия упрямо смотрела на стол.

— Мне очень жаль, — наконец проговорила Вики. — Очень жаль, что ты до сих пор переживаешь.

Джулия усмехнулась:

— Ну да. Мне тоже жаль.

— Шесть месяцев прошло. Я думала, ты уже пришла в себя. Ты ведь умная, симпатичная и должна найти еще кого-нибудь.

Вики не могла не сказать этого. Неунывающая Вики, которая через пять дней после удаления аппендицита снова рванула в зал суда и повела команду своих юристов к победе. Она

не позволит какому-нибудь пустяку вроде развода нарушить даже недельные планы.

Вики вздохнула:

— Честно говоря, я ехала сюда не только для того, чтобы посмотреть на новый дом. Ты моя младшая сестра и должна знать кое о чем. Имеешь право знать об этом. Просто я не совсем понимаю, как... — Она запнулась. И взглянула на кухонную дверь, в которую кто-то постучал.

Открыв дверь, Джулия увидела доктора Айлз — несмотря на жару, та сохраняла хладнокровие и невозмутимость.

— Я хотела сообщить вам, что наша группа сегодня уезжает, — сказала она.

Взглянув на место раскопок, Джулия заметила, что эксперты начали собирать свой инвентарь.

— Вы уже закончили?

— Мы обнаружили достаточно, чтобы подтвердить — это дело не подлежит судмедэкспертизе. Я передала его доктору Петри из Гарварда.

Айлз указала на только что прибывшую женщину — бабушку в голубых джинсах.

Вики подошла к ним и тоже остановилась на пороге:

— А кто такая доктор Петри?

— Судебный антрополог. Она закончит раскопки, но исключительно в исследовательских целях. Если вы, конечно, не против, госпожа Хэмилл.

— Значит, это старые кости?

— Совершенно очевидно, что захоронение давнее. Может, выйдите и сами посмотрите?

Следом за Айлз Вики и Джулия зашагали через пологий двор. За время трехдневных раскопок яма превратилась в широкую впадину. Останки были разложены на брезенте.

Перед ними на корточках сидела доктор Петри. Ей было никак не меньше шестидесяти, но, несмотря на это, она резво поднялась и подошла поближе, чтобы поздороваться.

— Владелица дома — вы? — осведомилась она у Джулии.

— Я совсем недавно купила этот участок. А на прошлой неделе переехала.

— Вам повезло, — отозвалась Петри; похоже, она действительно так считала.

— Просеивая почву, мы нашли несколько предметов, — сообщила доктор Айлз. — Несколько пуговиц и одну пряжку, явно очень старые. — Она запустила руку в коробку для вещей, стоявшую неподалеку от костей. — А сегодня мы обнаружили вот это. — Она вынула небольшой застегивающийся мешочек.

Джулия взглянула на разноцветные камни, мерцавшие сквозь пластик.

— Это памятное кольцо, — пояснила доктор Петри. — В ранневикторианский период украшения-акростихи пользовались огромной популярностью. Из названия камней должно складываться слово. Например, бирюза, опал и сапфир — первые три буквы в слове «Бостон». Такие кольца дарили в знак сердечной привязанности.

— Это настоящие драгоценные камни?

— О нет, конечно. Вероятно, всего-навсего крашеное стекло. На кольце нет никакой гравировки, значит это продукт массового производства.

— А можно найти сведения об этом захоронении?

— Сомневаюсь. Похоже, это незаконное погребение. Ни надгробия, ни остатков гроба. Тело просто завернули в кусок шкуры и закопали. Незатейливые похороны, особенно для близкого человека.

— А может быть, она была бедна.

— Но зачем понадобилось хоронить именно здесь? Тут никогда не было кладбища, по крайней мере, если верить историческим картам. Вашему дому ведь около ста тридцати лет, верно?

— Он был построен в восемьсот восьмидесятом году.

— К восемьсот сороковому памятные кольца вышли из моды.

— А что находилось здесь до восемьсот сорокового?

— Думаю, это одна из частей загородного поместья, принадлежавшего какому-нибудь знатному бостонскому семей-

ству. В основном здесь находились открытые пастбища. Сельскохозяйственные угодья.

Взгляд Джулии скользнул чуть выше, туда, где над душистым бутнем и цветущим горошком порхали бабочки. Она постаралась представить, как ее двор мог выглядеть раньше. На открытом поле, которое спускается к бегущему между деревьями ручейку, бродит жующая травку овечка. Место, где ходят одни животные. Место для могилы, которую быстро забудут.

Вики посмотрела на землю; на ее лице застыло отвращение.

— Это... один труп?

— Один полный скелет, — ответила доктор Петри. — Ее похоронили достаточно глубоко, и она не пострадала от хищников. На этом склоне почва достаточно сухая. К тому же, судя по фрагментам, ее завернули в шкуру какого-то животного, а ощелачивающие танины — своего рода консервирующее средство.

— Ее?

— Да. — Петри посмотрела куда-то вверх; пронизательные голубые глаза сощурились от солнечного света. — Это женщина. Судя по зубам и состоянию позвонков, она достаточно молода — уж никак не старше тридцати пяти лет. В общем и целом она удивительно хорошо сохранилась. — Петри перевела взгляд на Джулию. — Если не считать трещины от удара вашего совка.

Джулия покраснела:

— Я думала, что это камень, а не череп.

— Однако отличить старое повреждение от нового совсем нетрудно. Смотрите. — Снова опустившись на корточки, Петри взяла в руки череп. — Вот это ваша трещина, на ней не видно никаких пятен. А теперь взгляните на эту прореху в теменной кости. Вот здесь, на скуловой кости, под щекой, есть еще одна. Эти поверхности стали коричневыми из-за того, что долго находились в земле. А значит, речь идет о преморбидных повреждениях, а не о тех изъянах, что появились во время раскопок.

- Преморбидных? — Джулия взглянула на антрополога. — Вы хотите сказать...
- Эти удары почти наверняка стали причиной ее смерти. Я бы сказала, что это убийство.

Ночью Джулия лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к поскрипыванию старых полов и мышинной возне за стенами. Этот дом, конечно, старый, но могила еще старше. Кто-то прибивал балки и настилал сосновые полы, а неподалеку, всего в нескольких десятках шагов, под землей уже разлагалось женское тело. Интересно, когда шла стройка, кто-нибудь знал, что она там? Была могила помечена каким-нибудь камнем?

«А может, никто не знал, что она там? И никто о ней не помнил?»

Обливаясь потом, Джулия отшвырнула белье и легла на голый матрас. В спальне стояла жара и духота — ни ветерка, несмотря на то что оба окна были открыты. В темноте над Джулией то загорался, то потухал огонек светлячка; уныло мигая, он кружил по комнате в надежде найти выход.

Джулия села и включила лампу. Вместо волшебных искорок над головой она увидела обычного коричневого жучка, который носился под самым потолком. Она задумалась, как бы его поймать, чтобы не убить. Стоит ли усилий судьба отдельно взятого жучка?

Зазвонил телефон. В полдвенадцатого может звонить только один человек.

— Надеюсь, я тебя не разбудила, — сказала Вики. — Я только что вернулась домой после одного из бесконечных ужинов.

— В такой жаре я все равно не могу уснуть.

— Джулия, я хотела сказать тебе кое о чем, когда была у тебя. Но не смогла, кругом было столько людей.

— Только не надо давать мне советы насчет дома, ладно?

— Это касается не дома. Это касается Ричарда. Неловко как-то, что именно я говорю тебе об этом, но на твоём месте я предпочла бы это знать. Хуже будет, если это дойдет до тебя по другим каналам.

— Что дойдет?

— Ричард собирается жениться.

Джулия вцепилась в трубку, сжав ее так сильно, что онемели пальцы. В затянувшемся молчании она слышала, как сердце бьется где-то в ушах.

— Значит, ты не знала.

— Нет, — прошептала Джулия.

— Какой же он все-таки говнюк, — пробормотала Вики; горечи в ее голосе с лихвой хватило бы на обеих. — Насколько я знаю, это было решено уже месяц назад. Ее зовут Тифания, с «я» на конце. Я хочу сказать, надо же быть такой махерной! Я не в состоянии уважать мужчину, который женится на Тифании.

— Не понимаю, как это могло случиться так быстро.

— Ой, милая моя, это же ясно как день! Он крутил с ней, когда вы были еще женаты. Он ведь стал приходить домой позже, верно? И начались бесконечные командировки. Это меня настораживало. Мне просто не хватало духу заговорить об этом.

Джулия сглотнула.

— Мне сейчас не хочется это обсуждать.

— Я должна была догадаться! Мужчина никогда не попросит развода ни с того ни с сего.

— Спокойной ночи, Вики.

— Эй! Эй, ты как, в порядке?

— Мне просто не хочется говорить.

Джулия положила трубку.

Некоторое время она не двигалась — просто сидела. Над головой по-прежнему кружил светлячок, отчаянно стремясь вырваться из заточения. Когда-нибудь он устанет. И в конце концов погибнет в этой комнате-ловушке без еды и воды.

Джулия взобралась на матрас. Когда светлячок, в очередной раз метнувшись, подлетел ближе, она поймала его. Сложив руки чашечкой, Джулия босиком прошлепала на кухню и открыла дверь черного хода. Оказавшись на пороге, она выпустила жучка. Светлячок упорхнул в темноту; он больше не мигал — единственной его целью было спасение.

Интересно, он понимает, что Джулия спасла ему жизнь? Такие пустяки — это все, на что она способна.

Джулия немного постояла на крыльце, жадно вдыхая ночной воздух; при мысли о том, что надо возвращаться в душную тесную спальню, ей становилось нехорошо.

Ричард женится.

Застрявший в горле вдох превратился во всхлип. Джулия ухватилась за перила и почувствовала, как в пальцы впиваются занозы.

«И я узнала об этом последней».

Вглядываясь в темноту, она подумала о костях, которые были захоронены всего в нескольких десятках метров. Забытая женщина, чье имя затерялось в веках. Она представила, как давит зимой холодная земля, над которой кружится снег, как сменяются времена года, проходят десятилетия, как гниет плоть и пируют черви. «Мы с тобой похожи, — подумала Джулия, — две забытые женщины... А я даже не знаю, кто ты».

Ноябрь 1830 года

Смерть сопровождалась мелодичным перезвоном колокольчиков.

Этот звук наводил ужас на Розу Коннолли — она уже много раз слышала его, пока сидела у больничной койки Арнии, промакивая сестре лоб, держа ее за руку, предлагая хлебнуть воды. Каждый день колокольчики, приводимые в действие служкой, возвещали о прибытии священника, который причащал и совершал обряд соборования. Розе было всего семнадцать, однако за последние пять дней она повидала столько горя, что его с легкостью хватило бы на несколько жизней. В воскресенье, спустя три дня после рождения малыша, умерла Нора. В понедельник — девушка с каштановыми волосами, та, что лежала в дальнем конце палаты; она скончалась почти сразу же после родов, и узнать ее имя так и не удалось, особенно в присутствии рыдающих членов семьи, новорожденного ребенка, который орал как резаный, и гробовщика, усердно стучавшего молотком во внутреннем дворе. Во вторник милосердная смерть настигла Ребекку — после рождения сына она четыре дня металась в агонии, правда Розе пришлось терпеть вонь гнилостных выделений, сочившихся из промежности девушки и пачкавших простыни. Палата пропахла потом, лихорадкой и гноем. Среди ночи, внезапно очнувшись от тяжелой дремоты, Роза слышала, как стоны умирающих эхом отдаются в коридорах, и понимала: реальность куда страшнее ее кошмарных снов. Девушка выходила на больничный двор

и вдыхала холодный туман — только так можно было спастись от смрада, царившего в палате.

Но потом ей все равно приходилось возвращаться к ужасам. К своей сестре.

— Снова колокольчики, — шепнула Арния; по ее опущенным ресницам пробежала дрожь. — Кто же сегодня эта бедняжка?

Роза бросила взгляд вглубь родильной палаты, на ту постель, что поспешно отгородили занавесями. Она видела, как несколько минут назад сестра Мэри Робинсон подготовила небольшой столик, разместив на нем свечи и распятие. Священника видно не было, однако из-за шторы доносились его бормотание и запах расплавленного воска.

— По великой милости своей да простит Господь все твои прегрешения...

— Кто? — снова спросила Арния. Забеспокоившись, она попыталась сесть на постели и увидеть то, что происходит там, за рядами коек.

— Боюсь, это Бернадетта, — проговорила Роза.

— О! Нет, только не это.

Роза сжала руку сестры:

— Возможно, она еще жива. Не надо терять надежду.

— А ребенок? Что с ее ребенком?

— Мальчик здоров. Разве ты не слышала, как он плакал в своей колыбельке сегодня утром?

Вздохнув, Арния откинулась на подушку; в ее дыхании чувствовалось зловоние смерти, словно тело уже начало гнить изнутри, а внутренние органы — разлагаться.

— Значит, хотя бы это небольшое утешение.

Утешение? Что мальчик будет расти сиротой? Что его мать провела последние три дня жизни с опухшим животом, изнывая от родильной горячки? Слишком уж много подобных «утешений» повидала Роза за последние семь дней. Если так Он проявляет свое милосердие, Роза отрекается от Него. Но в присутствии сестры она не стала богохульствовать. Именно

вера поддерживала Арнию последние несколько месяцев, помогая терпеть нападки мужа и сносить те ночи, когда из-за одеяла, висевшего между их кроватями, до Розы доносился плач сестры. И чем только вера помогала Арнии? Куда смотрел Бог все те дни, пока ее сестра напрасно пыталась произвести на свет своего первенца?

«Господи, если Ты слышишь молитвы добропорядочной женщины, почему Ты позволяешь ей страдать?»

Ответа Роза не ждала, его и не последовало. И только из-за шторы, скрывавшей койку Бернадетты, слышалось бесполезное бормотание священника:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, да усмирится в тебе сила дьявола возложением рук моих и заступничеством благодатной и пресвятой Девы Марии, Матери Бога нашего.

— Роза! — шепотом позвала Арния.

— Да, дорогая?

— Я очень боюсь, что и мое время пришло.

— Какое время?

— Время священника. Исповеди.

— И какие же мелкие проступки не дают тебе покоя? Бог знает твою душу, дорогая. Думаешь, Он не видит, сколько в ней добродетели?

— Ах, Роза, ты не знаешь всего того, в чем я виновата! Всего того, о чем я постыдилась рассказать тебе! Я не могу умереть без...

— Не говори мне о смерти. Тебе нельзя сдаваться. Бороться — вот что ты должна делать.

В ответ Арния слабо улыбнулась и, протянув руку, коснулась волос сестры:

— Моя маленькая Роза. Никогда ничего не боится.

Однако Роза боялась. Ужасно боялась, что сестра покинет ее. Невероятно страшилась того, что, получив последнее благословение, Арния перестанет бороться и махнет на себя рукой.

Закрыв глаза, Арния вздохнула:

— Ты останешься со мной нынче вечером?

— Конечно останусь.

— А Эбен? Он не приходил?

Роза сжала руку Арнии в своей ладони:

— А ты и вправду хочешь, чтобы он явился сюда?

— Мы связаны друг с другом, он и я. И в радости, и в беде.

«Это-то и беда», — хотелось сказать Розе, но она прикусила язык. Конечно, Арния и Эбен связаны брачными узами, но лучше бы он держался подальше, потому что Роза с трудом выносила этого человека. Последние четыре месяца она прожила вместе с Арнией и Эбеном в пансионе на Брод-стрит; ее кровать едва умещалась в небольшом алькове, примыкавшем к их спальне. Она старалась не попадаться на глаза Эбену, но, поскольку беременная Арния становилась все тяжелее и все больше уставала, Розе пришлось постепенно взять на себя всю работу, которую сестра делала в портняжной мастерской Эбена. Там, в подсобной комнате, заваленной рулонами муслина и сукна, она чувствовала на себе коварные взгляды зятя, замечала, как часто он находит предлог дотронуться до ее плеча или остановиться слишком близко, проверяя стежки, когда Роза корпела над брюками или жилетами. Она никогда не рассказывала об этом Арнии, потому что знала: Эбен станет все отрицать. И в конце концов страдать будет именно Арния.

Роза отжала тряпку над тазом и, прикладывая ее ко лбу больной, задумалась: «Куда же подевалась моя красивая сестричка?» Арния даже года не пробыла замужем, но глаза уже перестали сиять, а огненно-рыжие волосы утратили свой блеск. Осталась только безвольная оболочка с тусклыми от пота волосами и лицом, напоминавшим безучастную бледную маску.

Арния с трудом вынула руку из-под простыни.

— Я хочу отдать тебе это, — прошептала она. — Возьми, пока Эбен не опередил тебя.

— Что взять, дорогая?

— Это. — Арния коснулась медальона в форме сердца, висевшего у нее на шее. Он блестел как настоящее золото, и Арния, не снимая, носила его и днем и ночью.

Подарок Эбена, предположила Роза. Возможно, когда-то он был настолько привязан к жене, что преподнес ей эту чудесную вещицу. Почему же он не приходит, когда она особенно нуждается в нем?

— Пожалуйста, помоги мне снять его.

— Еще не время раздавать свои вещи, — возразила Роза.

Но Арния уже сама сняла подвеску и положила ее в руку сестры.

— Этот медальон твой. За то, что утешала и поддерживала меня.

— Я сохраню его для тебя, вот и все. — Роза сунула подвеску в карман. — Когда это закончится, дорогая, когда ты возьмешь на руки своего чудесного малыша, я снова надену его тебе на шею.

Арния улыбнулась:

— Только бы так и вышло.

— Так и выйдет.

Удаляющийся перезвон колокольчиков свидетельствовал о том, что священник завершил обряд над умирающей Бернадеттой, и сестра Робинсон тут же примчалась к ее койке, чтобы убрать завесу и подготовиться к приему очередной группы только что прибывших посетителей.

Когда в родильную палату вошел доктор Честер Крауч, все застыли в молчаливом ожидании. На этот раз его сопровождала старшая сестра больницы мисс Агнес Пул, а также небольшая свита, состоявшая из четырех студентов-медиков. Доктор Крауч начал обход с первой койки — ее занимала поступившая тем же утром женщина, которая два дня безрезультатно силилась родить дома. Студенты выстроились в полукруг, наблюдая, как доктор Крауч, запустив руку под простыню, осторожно осматривал пациентку. Она вскрикнула от боли, когда тот принялся ощупывать ее промежность. Рука доктора с обгаренными кровью пальцами снова вынырнула из-под простыни.

— Полотенце, — попросил он и тут же получил его из рук сестры Пул. Вытирая пальцы, он обратился к четверем сту-

дентам: — У этой пациентки роды остановились. Голова ребенка находится в том же положении, а шейка матки еще окончательно не раскрылась. Что должен делать врач в данном случае? Господин Кингстон! У вас есть ответ на этот вопрос?

— Полагаю, необходимо порекомендовать чай сушонг со спорыньей, — без всяких колебаний ответил господин Кингстон, красивый и щеголеватый юноша.

— Хорошо. А что еще можно сделать? — Теперь в центре внимания доктора оказался самый невысокий из четырех студентов, парнишка с большими ушами, напоминавший эльфа. — Господин Холмс!

— Можно попробовать слабительное для стимуляции схваток, — тут же выпалил господин Холмс.

— Хорошо. А что скажете вы, господин Лакауэй? — обратился доктор Крауч к светловолосому студенту, лицо которого немедленно вспыхнуло румянцем. — Что еще нужно сделать?

— Я... это...

— Это ваша пациентка. Как вы будете действовать?

— Мне пришлось бы обдумать это.

— Обдумать это?! Но ваши дед и отец были врачами! А ваш дядя — декан медицинского колледжа. Вам доводилось сталкиваться с искусством медицины куда чаще, чем вашим коллегам. Полноте, господин Лакауэй! Неужели вам нечего добавить?

Молодой человек беспомощно покачал головой:

— Простите, сэр.

Вздыхнув, доктор Крауч обратился к четвертому студенту, высокому темноволосому юноше:

— Ваша очередь, господин Маршалл. Что еще можно сделать в такой ситуации? В случае с пациенткой, у которой нет родовой деятельности?

— Я бы заставил ее сесть или встать, сэр. И если возможно, походить по палате.

— Что еще?